

НА РАССВЕТЕ

Тэкэ, тэкэ...Я делаю два шага и замираю. Отец всегда говорил, что в глухариной охоте- главное не торопиться. Если не "подшуметь", то глухарь будет петь всю зарю. И даже когда совсем рассветет, когда застонут голуби, и забормочут тетерева, когда барабанные дробы дятлов известят о наступлении утра и хоры мелких пташек разнесут эту весть по всему лесному континенту, он будет продолжать ткать неповторимый узор своей странной песни, чередуя мгновения высшего слуха и зрения с мгновениями, в которые глухой и слепой он проваливается в бездну своего экстаза.

Стою неподвижно, боясь произвести хоть малейший шум.... "Глухарь, ведь он удалец..." И вот неожиданно оживают во мне события, память о которых казалась уже давно похороненной.

Отец и младший мой брат Ваня на охоте под Юхновом. Ване 15 лет, на нем длинные сапоги, ватник и шапка-ушанка. Для большей удали отец называет его Афанасием. Он уже бывалый охотник, знающий как "хоркает" и "цикает" на тяге вальдшнеп, как заливаются на гоне собаки и как, забыв порой про осторожность, бьются на лесных полянах тетерева. И на глухарином току он бывал не раз, но подходил к дичи всегда только вместе с отцом. Тот и услышит глухаря первым, и подведет вплотную, так что останется только выстрелить в огромно сидячую мишень, что, в сущности, уже и не интересно.

Поэтому в этот раз выговорил себе Ваня впервые право провести всю охоту самостоятельно.

Весь день провели они в домике лесника, и весь день, не переставая, моросил мелкий весенний дождик. Набивали патроны, вели с лесником, Антипычем охотничьи разговоры, выходили на крылечко подышать и посмотреть, не проясняется ли. Пахло землей, сыростью, пьянил воздух, и клонило ко сну.

Вечером сходили на тягу. Отец застрелил вальдшнепа и хвастался, что он -чемпион. Возвращались уже в полной темноте.

- Ну, как ты считаешь, - приставал отец, кто все-таки немножко посильнее: старый папочка или молодой Афанасий?

-Да ну тебя ,- отмахивался Ваня и чувствовал, как ему становится не по себе при мысли о том, что придется одному идти ночью по лесу.

Антипыч поил чаем из самовара и рассказывал про охоту на лосей и кабанов. Ваня не заметил, как задремал.

Разбудил его отец в половине второго. Стали быстро собираться. Говорили шепотом, хотя Антипыч крепко спал на другой половине, а глухарь, с вечера прилетевший на свое токовище, километра за два от дома, и сидевший нахохлившись, на какой-нибудь сосне или ели, едва ли смог бы их услышать.

Вышли в два часа. И когда подходили к вырубке, то "протянул" и "прохоркал" над ними невидимый в темноте вальдшнеп. Дождь прекратился, и в прорывах туч просвечивали звезды. Остановились, пытаюсь сообразить, где Большая Медведица. Потом пошли опять, теперь уже по тропинке вдоль вырубки, спотыкаясь о кочки и подсвечивая фонариком.

Стоп. Вот она гнутая береза, вот угол вырубки. Отсюда, если не начать петлять или топтаться на одном месте, то идти недалеко метров 500 напрямик

по глухому лесу, держась точно на юго-запад.

Перед тем, как войти в лес, посмотрели на часы: половина третьего время подходящее. Можно идти не торопясь, делая поменьше шума и каждые три шага останавливаясь и сверяя путь по компасу.

В лесу еще много снега. Ступишь на него, и в воде по колено, а то и еще глубже. Хорошо, что надели болотные сапоги.

Начали обходить поваленное дерево, которое своими вывороченными корнями загородило дорогу. Шепотом: "Подожди, подожди, да нам же в этом направлении "

-Нет, по компасу получается, что как раз наоборот.. Да мы же вроде отсюда идем.

-Ну, вот смотри, вот север.

И опять и опять, кажется - быть не может, врет компас, не могли они вокруг своей оси обернуться. "Ну-ка, еще разок. Да не тряси ты его!" Но белый заостренный палец неотвратимо устремлен в одном направлении, и юго-запад оказывается как раз за спиной, откуда, кажется, только что пришли. Но выбора нет, всюду одинаково темно, одинаково преграждают дорогу стволы и ветви. Хочешь идти как можно тише, и вдруг со страшным треском летишь так, что еле удерживаешься на ногах.

-Ты что, как слон лезешь!

-Да не нарочно же

-Тише, тут уже рядом.

И действительно, лес становится реже, деревья ниже и чувствуется по всему, что вступаешь в чашу лесного болота, поросшего низкорослыми соснами и березками. Еще шагов пятьдесят, и вот налево и направо скорее угадывается, чем видится, пересекающая болота просека.

Остановились. Еле слышный шепот:

-Может быть все-таки вместе пойдем?

-Нет, нет.

-Ну, тогда...

Отец показывает направо, в просвет просеки: "Далеко не ходи. Метров сто и останавливайся, слушай". Ваня кивает, и вот зайчик отцовского фонарика прыгает по болотным кочкам и скрывается из виду.

Здесь, на болоте значительно светлее, чем в лесу, но все же приходится подсвечивать, чтобы не оступиться и не хрустнуть. Ваня прошел шагов пятьдесят и, засомневавшись, не сбился ли с просеки, остановился. Серый свет уже просочился между стволами деревьев и циферблат компаса можно было видеть и без фонарика. Убедился, что направление правильное. Компас и фонарик положил в разные карманы. Проверил, не лежит ли там какой-нибудь металлический предмет (ключ или мелочь), который может предательски звякнуть "не под песню". Все в порядке, можно идти дальше. Только стоит ли? Ведь уже три часа. Мог бы уже, и начать петь. Но кругом все тихо. Только капли прошедшего вчера дождя прыгают с листка на листок: кап-кап, кап-кап. Пожалуй, стоит еще немного пройти. Кап-кап, кап-кап, кап,кап...

Что такое!?! Ухо охотника схватывает неожиданно короткий интервал. "Почему эти две капли так близко? Случайно, нет?" Кап-кап, кап-кап-кап. Сердце замирает. Сомнения нет - он. И слух выписывает уже не капкапкап, а тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ, и ноги сами начинают двигаться под эту музыку. "Ваня, не торопись, Ваня не торопись". Тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ-тэ-кэ-тэ-кэ и потом как будто

какая-то возня. "Не больше двух шагов. Надо прекратить движение, пока еще слышна эта возня". Чуфш, чуфш, чуфш... Где-то совсем близко. Еще два шага, еще два... Какая удача, что не надо пробираться через глухой лес; здесь на болоте деревья стоят куда более редко, да и между ними ни кустов, ни валежника. Прыгай себе с кочки на кочку. Тэкэ, тэкэ... Надо остановиться, уж очень колотится сердце. Сосенку обогнуть и, может быть, уже видно будет. Только бы не замолчал, только бы не замолчал. Вот эта ель здоровая, не на ней ли? Ветки у нее густые, не видно, что там. Нет, не на ней, надо ее обойти. Только как?

Еще два шага. Раскинулась над Ваней крона большой ели, а вокруг маленькие елочки сгруппировались. Как между ними проскочить, чтобы не шуметь? Ведь рядом где-то совсем. Сделал Ваня одно неосторожное движение, и сразу оборвалась глухарина песня.

Как будто осекся глухарь и впился слухом в окружающее пространство. Теперь малейший подозрительный шорох, и он мгновенно улетит, а значит пойдет на смарку все томление предыдущего дня, весь недосып и все блуждания этой ночи, вся лихорадка последних минут. Все прахом, из-за одного неосторожного движения.

Замер Ваня, даже дышать боится. "Ну, только не улети, ну только запой еще".

Молчит глухарь, а лес кругом просыпается. На все голоса перекликаются вокруг мелкие птички, блеет бекас, а с вырубки доносится воинственное чуфыканье тетерева.

Вот где-то неподалеку завохтала глухарка. Перехватило у Вани дыхание: может сейчас отзовется. Но столь нестерпимо желанного тэ-кэ, тэ-кэ не последовало. Глухарь, видимо, решил, что "береженого бог бережет", и не отозвался подруге. Прошло еще сколько-то времени и по тому, как звонче зазвенели птицы, как в просветах елового шатра засветлело небо, понял Ваня, что встает солнце. Теперь уже глухарь мог видеть его. Видеть, но возможно не воспринимать как что-то опасное, а всего лишь как куст, как пенек, как кучу лесного валежника.

И вдруг услышал Ваня, что в нависшей над ним еловой кроне завозилось что-то; посыпались мелкие сучки, иголки, а потом что-то покрупнее шлепнуло по Ваниной шапке, перескочило на плечо и упало рядом с сапогом. Скопил Ваня глаза и не поверил себе: быть не может, глухариный помет. Значит, глухарь сидит на ели, прямо у него под головой. Что делать?! Может быть, вскинуть ружье и... И тут раздались сладчайшие звуки: тэ-кэ, тэ-кэ... Облегчившись, глухарь, видно, успокоился и решил сделать первую пробу: тэ-кэ, тэ-кэ и сразу же оборвался. Но после небольшой паузы, убедившись, что все тихо, уже уверенно тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ. "Ну, только не замолчи, только не замолчи!" Тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ, тэ-кэ. "Хоп! Хоп!" - раздалось неподалеку. И понял Ваня, что все пропало. Даже ружья не успел вскинуть, как с треском сорвался и мигом скрылся глухарь. "Хоп! Хоп!"

"Хоп", - через силу откликнулся Ваня.

И вот звуки шагов, шлепающих по лужам и хруст сучков, становятся все явственнее, и отец, бодрый и улыбающийся, вступает под еловый свод.

После того, как они с Ваней расстались ночью на просеке, он тоже отошел не слишком далеко и остановился. Идти дальше не хотелось.

Посмотрел на часы. Пошла четвертая стража ночи. Особое время суток. Не уснувший мозг вступает в какое-то необычное единение с миром. Гаснут мысли, предметы расплываются, ветер стихает и в сознание неслышными шагами входят сумерки. Хочется длить и длить это странное состояние ведь в нем близость рассвета.

Хор, хор, цик, цик "протянул" вальдшнеп. Отец очнулся. Тишина. Только капли прошедшего вчера дождя прыгают с листка на листок. Кап-кап, кап-кап. Он стал думать о рассказе, который собирался начать писать....

В лесной сторожке живет старый лесник. Жена давно умерла. Дети выросли и разъехались. До того, как переселиться в сторожку, он жил неподалеку в деревне. Деревня стояла в лесу, а кругом на много километров раскинулись болота.

Еще мальчишкой лесник часто по весне ходил на соседнее болото, и почти не было случая, чтобы возвращался оттуда без трофея. В ту пору на токовище слеталось множество глухарей: со всех сторон слышалось их тээкканье. Глухарки с квохтаньем перелетали с дерева на дерево, а молодые глухари, которым еще не исполнился год, не смея принять участие в играх взрослых, тихо сидели на сучьях и лишь иногда, в минуту большого волнения издавали гортанные звуки, похожие на крики осла.

Но с тех пор прошло много времени и многое переменялось в лесу. Болота по большей части осушили, деревня, стоявшая на неплодородной почве, зачахла, а потом и совсем перестала существовать. Вернувшись с войны, лесник поступил работать в лесничество и переехал жить в сторожку. Лес порубили, и на месте токовища прошла дорога, соединяющая два районных центра. Глухари почти все перевелись, либо вымерли, либо нашли себе другое пристанище. И только на сосновом островке, оставшемся от бывшего болота, неподалеку от дороги и на границе с огромной вырубкой, поросшей березовым молодняком, каждую весну пел последний глухарь,

Глухарь-токовик, в прошлом предводитель всех окрестных глухарей, а теперь всего лишь упрямый старик, не желавший менять свои привычки. Все изменилось вокруг, но остались еще те несколько деревьев, которые в пору расцвета глухариного воеводства были свидетелями его весеннего ликования. И только к ним тянуло его, только с ними мог разделить он то необычайное волнение, которое охватывало его в предутренние часы в пору, когда снег в лесу уже почти весь растаял, а листья на березе едва зазеленели.

Никто не откликался на его призывы, ни одна глухарка не подлетала к нему, и только лесник такой же старый и одинокий, как и он, сам, каждую весну подкрадывался к дереву, чтобы послушать глухариную песню. Вдвоем встречали они рассвет, и леснику часто казалось, что глухарь знает о его присутствии, ждет его, и что их связывают какие-то непостижимые узы. Словно к ранней обедне спешил лесник на ток, и много воспоминаний оживало в нем под звуки глухариной песни, пока он стоял неподвижно в алом от зари сосновом притворе.

"Последний глухарь "- вот как будет называться этот рассказ.

Заквохтала, перелетая с места на место, глухарка. Отец прислушался. Нет, глухарь не поет. Правда, слух стал подводить последние годы, да и слишком уже много звуков в лесу. Пока думал о рассказе, проснулся лес. Проснулся и ликует, приветствуя восход солнца.

Вот оно - начало дня. Вот - он день грядущий. Чем же он будет? Как же пройдет он? Может быть, бессмысленно, пусто и никчемно, так что не жалко будет с ним расстаться, нечем будет его и помянуть. Почему же приход его так многообещающ, так значительно его наступление?

"Последний глухарь, последний глухарь. Там был хоть последний глухарь, а тут вот за все утро ни один не запел. Может, Афанасий что-нибудь слышал? Едва ли только. Пробегал, небось, всю зарю. Болота ведь тут на много километров, и места, говорят, есть очень топкие".

Отцу вдруг стало как-то не по себе.

"Если бы что-нибудь было, наверняка бы уже выстрелил. Светло ведь уже",

Отец сделал несколько шагов по просеке. "Что-то Антипыч вчера рассказывал? Кто-то из местных ушел прошлой весной на ток, да так до сих пор и не вернулся. Засасывает в момент, крикнуть не успеешь".

Отец уже шагал по просеке к тому месту, где они расстались ночью. Вот как будто и пень тот самый, о который тогда споткнулся. Остановиться бы, послушать. Да нет, что уж тут слушать "Хоп! Хоп!" И дальше по просеке быстрыми шагами. "Хоп! Хоп!"

"Хоп", отозвалось где-то совсем неподалеку. "Хо, Хо, Афанасий. - У отца камень с души свалился. Оказывается он и вправду недалеко ушел. Да вот он, под елкой стоит. Ну, слава богу".

-Как дела Афанасий? Ничего не слышал?.. Да что с тобой? Ванечка, что с тобой?

А на Вани лица нет.

-Это ты нарочно. Ты нарочно его спугнул. Он ведь вот на этой ветке сидел. Вот ведь его по... помет- и Ваня разрыдался.

Отец стоит совсем как потерянный. Не в радость ему ни лес, ни рассвет. Как же это он так? Как же это он так сплеховал? Ведь тысячу раз сам учил, как надо вести себя на току... Старый охотник...

Потом уже, когда оба они успокоились, когда Ваня получил твердое заверение, что без глухаря он отсюда не уедет, когда улыбался сквозь слезы и сердился уже только для виду, обнимал его отец рукой за плечи и говорил, подмигивая:

-Глухарь, ведь он удалец, верно, Афанасий? Как он тебя! Обосрал и улетел. А кто ему в этом помог? Старый папочка.

Тэ-кэ, тэ-кэ, Я делаю еще два шага, еще два. И вот передо мной в просвет светлеющего неба всплывает этот корабль, устремляющийся навстречу дню под парусами чахлого соснового мелколесья. Я прицеливаюсь. Затвор фотоаппарата щелкает "под песню". Значит, удастся сделать еще один, а может быть и не один снимок.

Но разве снимок, даже самый удачный, в состоянии передать то необычайное волнение, которое охватывает охотника, когда затерянный в глубине лесной чащи становится он свидетелем того, как свершает природа одно из своих величайших таинств – рассвет.